[*

*

*]

Я помню. Очень хорошо помню тот день. Наверное, это был один из ключевых моментов в моей жизни – то, что определило меня как личность.

Сколько мне тогда было лет? Тогда я ещё не знал ответа на этот вопрос. Я слишком много времени провёл там, висая на цепях, не в силах ни вырваться, ни сопротивляться. Но я помнил, что незадолго до этого я праздновал свой седьмой день рождения.

Моя мать приходила каждый день, и спрашивала меня – хочу ли я продолжать упорствовать, или все же готов послушаться ее и продолжить обучение. И получив отказ, она начинала меня избивать.

В какой-то момент, я даже начал считать, что это приносит ей удовольствие. Сейчас-то я знаю, что это не так – она была бы рада согласиться я послушаться ее, и сделала бы для этого многое. Ей не нравилось, что я трачу своё драгоценное время в темнице, хотя должен тренироваться, чтобы не уступать остальным наследникам.

В детстве, я часто задавался вопросом, почему она меня не любит, и почему так одержима идеей что я должен стать следующим королем. Только много позже я понял причину – она не властолюбива, и не ненавидит меня. Причиной ее такого отношения ко мне стала любовь... Ее любовь к моему отцу... Она так любила моего отца, что одна только мысль разочаровать его в себе вводила ее в самый настоящий ужас, потому она с детства заставляла меня проходить тренировки.

Помню, как даже ещё будучи младенцем я проходил десятки, а то и сотни разных модификаций, а уже в три года взялся за оружие. Она была одержима этой идеей – сделать меня не хуже остальных.

— Ты все продолжаешь упорствовать. — произнес хорошо знакомый мне голос. Из-за темноты нельзя было ее разглядеть, но это точно была она, мама. — И зачем тебе эта свобода? Что ты хочешь от неё получить?

Я не видел ее глаз, да и саму ее тоже, но я был уверен – ее глаза, как и обычно ничего не выражали. Холодные как лед, и безразличные как стекло. Так было всегда.

К этому моменту, когда мне только исполнилось восемь, я ни разу не видел, чтобы она смотрела на меня с любовью, или хотя бы просто улыбалась. Я уже давно перестал чувствовать из-за этого боль. Но каждый раз, когда я видел ее глаза, что-то в моем сердце менялось все сильнее.

— Ты же знаешь, мамочка, упрямством я пошёл в тебя. Чтобы сломить мой дух нужно будет что-то посерьёзнее года заточения. — с ухмылкой ответил я, хотя и не был уверен сколько я тут времени провел.

Именно в этот период времени у меня появилась эта привычка – ухмыляться. Ухмылка не должна быть как улыбка искренней – по ней непонятно – а количество эмоций что ею можно показать куда обширнее – от презрения до предвкушения.

Не услышав желанного ответа, мама молча развернулась и ушла – не включила свет, не начала меня бить, и даже не попыталась меня переубедить. Это значило только одно – она задумала что-то новое. Периодически такое случалось – она пыталась использовать новый метод, осознав, что старые не работают.

Я остался один в этой камере. Мои руки, окутанные стальными цепями, сильно ныли. Многочисленные разрывы и порезы кожи, а также синяки и ссадины, сильно болели. В комнате было так холодно, что я практически не чувствовал пальцев рук и ног. Так темно, что я не видел стен. Из звука был слышан только шум разбивающихся о землю капель воды. И в камере витал только запах плесени и разлагающихся крыс.

Раньше я чувствовал страх, оставаясь в этой комнате один. Я даже готов был терпеть побои, лишь бы не оставаться тут наедине с собой. Но это все прошло. Сейчас я не чувствую по отношению к этому ничего.

Через некоторое время – не уверен сколько именно, но могу предположить, что около часа – снова раздался голос, но теперь вместе с ним включился и свет.

— Так это он?

Передо мной предстала картина, которая вызвала у меня произвольную ухмылку. Я и моя мать. Точнее, сыночек одного высшего демона что перенял мой облик ещё год назад чтобы отыгрывать мою роль пока я в темнице, и моя мать рядом с ним. Наверное, не сделай мама этого – не замени меня на время моего отсутствия двойником, остальные жёны отца устроили бы настоящий скандал.

— Да, мальчик, это я. — ответил я, надменно смотря на него. — А ты – это ты? Мало ли, мамочка поняла какой мусор она подобрала, и решила найти более подходящую мне замену. Я бы не удивился, если честно. — в моем взгляде было полно вызова.

Признаю, в те времена я был очень остер на язык – вывести кого-нибудь из себя для меня было единственным способом утешения пока я был там.

— Ах ты...! — попытался было ответить мой двойник, но мама остановила его взглядом.

— Ты знаешь, зачем мы здесь, Артур?

Что же было дальше? Я не знаю. Следующая картинка в моих воспоминания – белый снег. Снег, расстилающийся так далеко, как только могут видеть мои глаза. И холод. Ужасный, пробирающий до костей холод.

Я помню огромные горы вокруг. Помню, как шагал по белому ковру босыми ногами. Из одежды на мне было только изорванная в клочья от сотен ударов кнутом рубашка, и не менее изорванные шорты.

Я помню, что шагал очень долго – до тех пор, пока я не упал без силы. Помню, что на снегу было куда теплее, и пробирающий до костей холод был внизу слабее. Помню, как я тогда думал, что это последние мои минуты жизни, а мое сознание потухало.

Я помню, как нечто чёрное и большое приближалось ко мне – расплывающееся зрение не позволило мне понять, что это медведь. Помню, как нечто белое, но куда меньшее, прыгнуло на черное чудовище, не позволив хищнику добраться до меня.

Я помню, как шесть белых зверей похожих на собак, прыгали вокруг чёрного монстра в три раза больше самого крупного из них. Помню, как от одного удара медведя отлетел самый первый волк, и упал замертво. Помню, как остальные сражались яростно, бесстрашно, но в тоже время очень умело и красиво.

Я помню, как меня тащили по снегу куда-то зажав мою руку в мощных челюстях, но сделав это каким-то образом нежно и безболезненно. Помню, как промораживающий холод медленно начал уходить, а леденящий ветер перестал меня пытаться. Помню, как что-то тёплое обвило меня, буквально защищая от всего Мира.

Так я и потерял сознание, а когда я наконец пришёл в себя, я обнаружил что нахожусь в пещере, а вокруг множество волков, некоторые из которых лежали рядом со мной, согревая меня своим прекрасным белым мехом.

Я помню, как Волки приютили меня, позволив быть одним из них. Помню, как я начал понимать их – не слышать их речь как человеческую, но понимать их и что они хотят сказать. Помню, как вместе с ними ходил на охоту, и ел сырое мясо.

Я помню своё восхищение, когда я глядел на них и как они живут. Помню, как сильно завидовал их свободе, тому как их стая готова умереть за своих и отстоять честь. Помню, как бесстрашно они шли на противников заведомо сильнее себя, и как храбро погибали. Помню, как они любили своих детей, всячески их балуя и играясь с ними. Помню, как они защищали своих щенков и даже умирая бесстрашно стояли между врагом и детьми, глядя прямо в глаза своих убийц.

И помню, как через два года за мной пришла вторая жена моего отца – Мама-Герой, как я ее называл. Как она, обняв меня плакала и извинялась за то, что не пришла раньше, а ее дочь стояла чуть позади, а ее обычно холодные глаза наполнились небывалой теплотой и влажностью.

И помню, как меня забрали из тех снежных гор, что за два года стали для меня родными, и в которых я видел куда больше любви и ласки чем за всю свою жизнь во дворце. Как я сомневался, и не хотел принимать предложение мамы-Героя, и как моя стая печалилась, когда я уходил. Вой моей стаи во время прощания, и как я обещал им что буду навешать их каждый месяц.

И помню, как через семь лет, когда я в очередной раз пришёл навестить их, я обнаружил что вся моя стая убита Охотниками, и не осталось никого. Как я рыдал, проливая горькие слезы

над убитыми щенками. Как я впервые пролил человеческую кровь.

Если так подумать, без всяких сомнений – эти два года что я провёл в Горах стали причиной того, что я смог найти ответ на вопрос что задала мне мать – зачем мне нужна свобода, и что я от неё хочу.

[*

*

*]

Открыв глаза, я удивленно начал оглядываться.

«Похоже я уснул...» — понял я. Это было немного странно, ведь я не нуждаюсь во сне, хоть и сплю достаточно часто. — «Раз уж все так получилось...»

Подойдя к окну, я тихо его открыл и вышел из комнаты в которой гостил. Ожидаемо, на улицах было пусто – люди не могут позволить себе ночью не отдыхать, поскольку завтра им опять работать с утра до ночи.

— «Надеюсь успею до рассвета.» — решил я не затягивать с решением первой проблемы.

<http://tl.rulate.ru/book/26294/550300>